

DOI 10.15826/qr.2017.4.266

УДК 339.13.012.42+339.16.012.34+331.105.24(470.5)

**«КТО НЕ ТОРГУЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ!»:
ТОРГОВЫЕ ПРАКТИКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
РАБОЧИХ УРАЛА В 1920-е гг.***

Алексей Килин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**'HE WHO DOES NOT TRADE, DOES NOT EAT!':
TRADE PRACTICES IN THE EVERYDAY LIVES
OF URAL WORKERS IN THE 1920s****

Alexey Kilin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers trade practices in the everyday lives of Ural workers in the 1920s. Methodologically, the research is based on the principles of everyday history (German *Alltagsgeschichte*). The analysis is performed with reference to information reports of the political section of the Joint State Political Directorate (JSPD) in the Urals for 1924, whose authors revealed open or hidden conflicts. The JSPD focused on conflicts of all types that could be potentially dangerous for the regime. During the years of the New Economic Policy, the multitude of forms and methods of trade and intermediary activity was conditioned by the mixed character of the economy and the transitional nature of the management model. The system of centralised state distribution was not flawless, but it was seen as an ideal model to employ during the establishment of a new society, which led to the population being involved in trade and intermediary activities. Trading became a mass occupation and was also deprofessionalised, as vast numbers of people were involved in the activity, regarding it as a temporary occupation. The article focuses on the participation of Ural workers in trading and intermediary activities,

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation*: Kilin, A. (2017). 'He Who Does Not Trade, Does Not Eat!': Trade Practices in the Everyday Lives of Ural Workers in the 1920s. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1047–1062. DOI 10.15826/qr.2017.4.266.

Цитирование: Kilin A. 'He Who Does Not Trade, Does Not Eat!': Trade Practices in the Everyday Lives of Ural Workers in the 1920s // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1047–1062. DOI 10.15826/qr.2017.4.266 / Килин А. «Кто не торгует, тот не ест!»: торговые практики в повседневной жизни рабочих Урала в 1920-е гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1047–1062. DOI 10.15826/qr.2017.4.266.

conditioned by the defects of the state and cooperative system of distribution. Workers sold goods received in the form of payment at work, resold slow-moving articles bought in cooperative stores, and dealt in monetary surrogates. All these quite often directly resulted from the defective system of remuneration in enterprises and the centralised supply system. When selling their own property, artisanal and homemade goods made outside of work hours, workers were not part of their respective enterprises; hence, these types of trade can be regarded as additional earning. Despite their trading at markets, workers did not accept trading as such, criticising private trade for both ideological and economic reasons.

Keywords: New Economic Policy; trade relations; production plan; free trade; distribution principles; victualling; private cooperation; Urals.

Рассмотрены торговые практики в повседневной жизни рабочих Урала в 1920-е гг. Методологические основы исследования связаны с направлением «история повседневности». Основным источником явились информационные сводки политического подотдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) по Уралу за 1924 г., авторы которых выявляли явные и скрытые конфликты. ОГПУ отслеживало все многообразие конфликтов, реально или потенциально несущих угрозу существующему режиму. Разнообразие форм и методов торгово-посреднической деятельности в годы НЭПа было обусловлено многоукладностью экономики, переходным характером модели хозяйствования. Несовершенство системы централизованного государственного распределения, которое виделось как идеальная модель в условиях становления нового общества, порождало вовлечение населения в торгово-посредническую деятельность. Занятие торговлей становится массовой профессией и депрофессионализируется одновременно, так как в эту сферу вовлекаются широкие слои населения, рассматривающее этот вид деятельности как временную занятость. В статье рассматривается участие рабочих уральских предприятий в торгово-посреднической деятельности, обусловленное дефектами государственной и кооперативной системы распределения. Продажа на рынке товаров, полученных в счет заработной платы, перепродажа выкупленных в кооперативных лавках неходовых товаров, реализация различного рода денежных суррогатов – эти формы торгового посредничества являлись прямым следствием дефектов системы оплаты труда на предприятии и централизованной системы снабжения. Выступая в роли продавца собственного имущества, продуктов ремесленного и кустарного производства, изготовленных в свободное от работы на предприятии время, рабочий не был связан непосредственно с деятельностью предприятия, поэтому эти виды торговли можно рассматривать как дополнительный заработок. Торгуя на рынке, рабочие в то же время демонстрировали явное неприятие торговой деятельности как таковой, критически отзывались о частной торговле, что было обусловлено как идеологическими, так и экономическими причинами.

Ключевые слова: НЭП; рыночные отношения; производственный план; свободная торговля; принципы распределения; снабжение продовольствием; частная кооперация; Урал.

Идеи социалистического переустройства предполагали построение нового более совершенного общества, в котором роль коммерческого интереса как буржуазного пережитка будет изжита или сведена к минимуму. Если производитель создаст достаточно надежный снабженческий аппарат (в реалиях 1920-х гг. – государственные синдикаты), а потребители организуются и самостоятельно наладят каналы поставок необходимых им товаров (потребительская кооперация), то роль посредника сведется к минимуму или исчезнет совсем. Эту модель можно признать более рациональной по сравнению с идеей полной ликвидации торговли и денежного обращения, попытка реализовать которую была предпринята в годы военного коммунизма. Но это лишь модель, которая не учитывает степень насыщения рынка, усиление общественного разделения труда, развитость денежно-кредитной системы, качество персонала, занятого посреднической деятельностью, и характер государственного регулирования. Она не отвечает на вопросы о том, что делать с некооперированным населением и насколько экономически целесообразно производителю содержать собственный сбытовой аппарат.

Торговая деятельность в годы НЭПа осуществлялась профессионалами, частными торговцами (нэпманами, или «нэпачами»), которые были чужими в новом советском обществе и рассматривались как «пережиток проклятого прошлого», с которым до определенного срока приходилось не только бороться, но и мириться. Анализ социального облика частного предпринимателя свидетельствует о чрезвычайно пестрой и противоречивой картине, в которой представлено множество обликов и личий торговых посредников. Торговля была распространена настолько, что в нее были вовлечены практически все без исключения слои населения. Она в этот период становится массовой профессией и одновременно депрофессионализируется. Это утверждение верно, если считать профессионалами людей, которые приобрели патенты на занятие торговлей и которых фискальные органы относили к частным торговцам. Наличие специального образования или практической подготовки торгового персонала и дореволюционного стажа не было редкостью, но было не характерно для большинства предпринимателей, так как 2/3 нэпманов в торговле были «новыми людьми» [Килин, с. 125].

Ситуация, обрисованная одним из активных участников международного коммунистического движения, общественным деятелем и писателем Виктором Сержем (В.В. Кибальчицем), относится к периоду военного коммунизма. Он писал о ситуации в Москве в 1920–1921 гг.:

Великолепная система снабжения продовольствием, созданная Цюрупой (Цюрупой. – А. К.) в Москве и Бакаевым в Петрограде, работала вхолостую. <...> В действительности, чтобы прокормить, каждый день приходилось пускаться в спекуляции, и коммунисты поступали так же, как и все остальные. <...> Пайки, выдаваемые огосударствленными кооперативами, были мизерны... <...> Повсюду были расклеены плакаты со словами святого Павла: «Кто не работает, то не ест!», превратившиеся

в насмешку, так как для того, чтобы прокормиться, надо было крутиться на черном рынке, а не работать. Рабочие проводили время на мертвых заводах, изготавливая ножи из деталей станков и подметки из приводных ремней, чтобы обменивать их на толкучке [Серж, с. 142–143].

Если занятие торговлей «бывшими», крестьянами, прочими мелкобуржуазными слоями населения и безработными представляется вполне естественным явлением, то вовлеченность в торговлю рабочих государственных предприятий, от имени которых осуществлялась «диктатура пролетариата», заслуживает особого внимания, так как наиболее ярко демонстрирует дефекты централизованной распределительной системы.

Социально-бытовые условия рабочих занимали значительное место в отечественной историографии. В ряде исследований упоминается процесс вовлечения рабочих в торгово-посредническую деятельность, как правило, в период военного коммунизма. Так, второе место после крестьянства среди мешочников занимали рабочие [Давыдов, с. 136–137]. Структура бюджета рабочих семей в Екатеринбургe летом 1922 г. выглядела следующим образом: «Удельный вес заработной платы составлял 78 %, продажа имущества приносила 10 % семейного дохода, займы – 4 %, безденежные поступления – 3 %, приработок на стороне – 2 %, продажа продуктов своего хозяйства, предметов государственного снабжения, торговля составляли всего 1 % поступлений в семью. Однако в наименее состоятельных семьях доля продажи имущества в структуре бюджета возрастала до 22 %, а натуральный доход – до 68 %» [Нарский, с. 544].

Описывая проблемы снабжения в 1928 г. накануне введения карточной системы, Т.С. Кондратьева упоминает рабочих как участников посреднической торговли: «Перекупщиком становился не только агент частника из безработных, но и рабочий, и его жена, и приезжий командировочный, и инвалид. Спекулировали, чтобы выжить. Ведь того, что можно было получить от государства, на семью не хватало» [Кондратьева, с. 95]. Можно утверждать, что распределительная система являлась одной из форм контроля государства над гражданами. На данном аспекте проблемы делает акцент М.Г. Меерович при рассмотрении советской жилищной политики [Меерович]. Е.А. Осокина детально описала «иерархию потребления» в годы первых пятилеток, когда карточная система стала господствующей, но при этом частный рынок не исчез, а лишь ушел в тень [Осокина, с. 189–227]. С.П. Постников и М.А. Фельдман со ссылкой на «Рабочий журнал» (печатный орган профсоюзов) приводят данные о результатах обследования быта рабочих в 1922 г.: «В сравнении с довоенным временем материальные условия существования рабочих ухудшились, по крайней мере, втрое. Если расходы на питание уменьшились в 3 раза, то на культурные потребности – в 4 раза, на гигиену – в 8 раз, на одежду – в 11 раз, на табак и напитки – в 15 раз» [Постников, Фельдман, с. 160]. Несмотря на то, что значительную часть расходов брало на себя

государство, удовлетворить потребности в полной мере оно не могло, и уровень потребления сокращался в абсолютных величинах.

Рабочий как рядовой советский гражданин мог получить необходимые ему продукты, воспользовавшись государственной централизованной распределительной системой, через государственные магазины синдикатов и трестов. Если это ему не удавалось, то он обращался, уже в качестве члена трудового коллектива, к тем ресурсам, которые имелись в распоряжении завода или фабрики. Это мог быть кооператив, который создавался при активном участии администрации предприятия, или фонды, которые использовались администрацией для материального стимулирования работников. Фонды, в свою очередь, могли носить легальный или полунелегальный характер, например, приобретать вид подсобных цехов или общественных огородов, сокрытых от учета сырьевых или товарных излишков. Если и после этого потребности рабочего оставались неудовлетворенными, он был вынужден самостоятельно изыскивать возможности для решения проблем снабжения своей семьи. Арсенал методов был довольно широк, но все они отвлекали рабочего от основного места работы, требуя больших затрат времени, физических и душевных сил. Отметим, что самообеспечение, адаптация рабочих к условиям товарного дефицита всегда балансировали на грани закона, включая в себя как легальные, так и нелегальные формы.

Продуктовые карточки 1931-1933 гг.
Ration cards, 1931-1933

Классовое разделение общества предполагало, помимо подразделения на рабочий класс и крестьянство, более глубокую дифференциацию каждой из названных групп. Вопреки массовым представлениям о том, что весь рабочий класс является «пролетариатом», от имени которого реализуется его «диктатура», практика демонстрирует расслоение производственного персонала промышленных предприятий. В большей степени зависимость от предприятия испытывали так называемые «пролетарии», то есть рабочие, которые не имели собственного хозяйства, скота, проживали в арендованных или предоставленных предприятием помещениях, в то же время они были и самой мобильной группой. С точки зрения доминирующих идеологических установок, именно они являлись подлинными пролетариями и должны были стать основной социальной опорой советского строя. Их интересы самым непосредственным образом были связаны с конкретным предприятием, на котором они работали, так как заработная плата должна была являться основным и единственным источником их существования. Напротив, «непролетарии», «полурабочие-полукрестьяне» были в меньшей степени зависимы от предприятия. Это были, как правило, местные жители, имевшие более высокую квалификацию, в большинстве своем главы многодетных семей. Эти рабочие, близкие по духу городским обывателям, имели собственный дом и приусадебное хозяйство, что позволяло обеспечивать семью продуктами питания. Эта относительная независимость играла стабилизирующую роль в критические периоды жизни как самого человека, так и предприятия. К таким неблагоприятным обстоятельствам относились существенная (от одного до шести месяцев) задержка зарплаты, временное закрытие завода на реконструкцию, свертывание производства из-за дефицита сырья или кризисы сбыта продукции, в конечном итоге – ликвидация предприятия. Данную «непролетарскую» категорию рабочих упрекали в обывательщине, мелкособственнических интересах, в отрыве от коллектива и отказывались признать ее «классовую чистоту». На некоторых предприятиях была инициирована кампания по «пролетаризации» кадров, в рамках которой увольнялись занятые на производстве крестьяне, а также рабочие, владевшие собственностью. Однако именно они составляли основу производственных коллективов, были наиболее стабильной и квалифицированной частью трудящихся.

По нашему мнению, зависимость пролетарского слоя рабочих от торгово-посреднической деятельности должна была быть выше. Лишенные собственного хозяйства, они вынуждены были обращаться за необходимыми товарами, в первую очередь за продуктами питания, в торговую сеть (государственную, кооперативную или частную). Система общественного питания на производстве в 1920-х гг. еще не была широко распространена.

Материалы, содержащиеся в информационных сводках окружных отделов Объединенного государственного политического управления по Уральской области, позволяют с высокой степенью полноты и достоверности проиллюстрировать выдвинутые теоретические положения.

В сводке по Пермскому округу говорилось:

...Материальное положение рабочих нельзя сказать в целом, что было бы удовлетворительным или плохим, вся материальная обеспеченность рабочих зависит от его зарплаты и своевременного получения таковой. Местный рабочий, который живет и работает на одном заводе десятки лет, имея домишко и нередко корову, более или менее находится в удовлетворительном состоянии, что же касается пришлого рабочего, живущего в казармах или общежитиях, подчас неблагоустроенных, обремененных семьей, экономическое состояние самое плачевное. С проведением выпуска твердой валюты рабочие ждут и надеются в дальнейшем на улучшение своего состояния. Большой плюс нужно приписать к улучшению, при несвоевременной выдаче зарплаты, практикующееся открытие кредитов в кооперативных и торговых государственных организациях, в которых кредитуются через заводоуправление и фабзавкомы рабочий почти на всех заводах и вливаясь массами в кооперацию [ЦДООСО, Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 30]¹.

В качестве покупателя роль рабочего уральского предприятия вполне ясна и понятна – это человек, который, имея на руках деньги, полученные в качестве заработной платы, желает их обменять на востребованный им или членами его семьи товар повседневного спроса, продовольствие или услугу. Вопрос заключался в том, достаточно ли у него было денег для приобретения необходимых продуктов, и был ли у него выбор торгового заведения.

Существовало три основных варианта приобретения товара: государственный магазин, потребительский кооператив и частный вольный рынок. Частник может быть представлен в разных образах – от крестьянина, который приехал на рынок, лотошника, коробейника до приказчика частного магазина.

Правила и условия предоставления товаров в этих организациях существенно различались. Отсутствие конкуренции и монополизация рынка как одной из форм торговли в условиях многоукладной экономики автоматически приводили к высоким издержкам, к сокращению ассортимента и росту цен. Вопрос наличия товаров в условиях товарного дефицита был актуальным на всем протяжении советского периода. Рабочие жаловались на отсутствие товаров в кооперативных магазинах или на неадекватность ассортимента их потребностям и на высокие цены.

¹ Здесь и далее тексты цитируемых документов приводятся с сохранением стилистических особенностей оригинала.

Некоторые товары в кооперации ниже частных по цене на 20 %, мануфактура в среднем ниже на 12 %, обувь и кожтовары на 10 %, бакалейные от 8 до 15 %, хлебные продукты дешевле на 8 %, мясные на 2 коп. в фунте, галантерейные дешевле на 20 % и т. д. Галантерейная торговля по преимуществу в руках частных торговцев, причиной этого то, что галантерейные товары в большинстве случаев производятся кустарями или же привозятся контрабандным путем из-за границ [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 80. Л. 161].

Высокие, порой неэффективные издержки в государственной и кооперативной товаропроводящей сети приводили к росту цен по сравнению с частным рынком. Однако государственная кампания по снижению цен на фабричные товары, предоставление товарного и денежного кредита своим низовым подразделениям, льготные транспортные тарифы и ставки арендной платы, во многом основанные на классовом подходе, позволяли конкурировать с частником в ценовой политике. Это приводило к сокращению товарооборота в частном секторе. Цены были ниже в государственных магазинах и кооперативах, но только когда товар там был. В связи с тем, что поставки были неритмичными, а спрос превышал предложение, при отсутствии товаров в обобщественном секторе частник пытался наверстать упущенное, и цены в частной рознице взлетали вверх. В связи с тем, что частник вел торговлю в основном на собственные средства, а доля денежных займов, полученных из обществ взаимного кредита частных торговцев и промышленников (ОВК), была крайне мала, он не мог широко кредитовать покупателей. Напротив, стремительный рост численности потребительских кооперативов объясняется возможностью предоставления товарных кредитов в счет зарплаты. Талоны, бланки, ордера, товарные и заборные книжки получили массовое распространение на предприятиях Урала. Во многом это была вынужденная мера, так как в связи с проведением денежной реформы денежная масса резко сократилась, а задержки зарплаты были хроническими.

Наличие разменной монеты и денежных знаков мелкого номинала у продавца рассматривалось как рыночное преимущество, и частный торговец завлекал в свою лавку покупателя обещаниями давать сдачу звонкой монетой. Приобретение товаров на крупные денежные знаки порой происходило на условиях приобретения неходовых товаров («в нагрузку») либо со значительной наценкой, так как размен был затруднен. Рабочие вынуждены были обменивать червонцы крупного номинала, которые порой выдавались в дни полочки одной купюрой на несколько человек, на рынке за определенный процент.

Уровень и качество обслуживания в государственных магазинах, кооперативах и частных лавках также различались, причем «ненавязчивый сервис» являлся атрибутом, как правило, предприятий обобщественного сектора, в которых продавца заменил «работник прилавка».

По сведениям Пермского окружного отдела ОГПУ,

...Мотовилихинский ЦРК [Центральный рабочий кооператив] «Самопомощь» 8 мелких [магазинов] с небольшим подбором товаров, главный склад, обслуживающий отделения и магазины, три крупных магазина, распределитель – для выдачи рабочим муки, буфет, столовая и пекарня. Средства кооперации только из членских взносов, весьма невелики, и товары приобретаются главным образом от государственных коопераций в кредит. <...> Кредитование происходит неравномерно. Во время получки товара создается большая очередь с разного рода инцидентами. Безалаберно происходит учет выписки, завод списков не посылает, а лишь руководствуясь талонами, так что вполне возможна подделка талонов, чем вызывается недоверие и тем самым вступление в члены кооператива, между тем как можно при имеемых средствах населения добиться настоящего успеха. <...> Товарный подбор для кооператива по количеству мал или поступает неравномерно и нередко плохого качества. Зачастую к получке рабочих нет необходимых товаров. В получку рабочих открытые магазины не удовлетворяют требованиям, так как их мало, помещения невелики, кроме того, информация населения относительно цен, подбора товара и условий кредитов очень слаба [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 87].

Вопросы снабжения можно рассматривать применительно к различным группам населения, которые выступали в качестве покупателей. Большой интерес вызывает роль рабочего как продавца конкретных товаров и услуг, производство и предоставление которых могли иметь весьма опосредованное отношение к его месту работы.

Торговые практики, которые не имели прямого отношения к работе на предприятиях (разумеется, помимо того факта, что рабочий получал там жалование), сводились к приобретению на рынке путем бартерного обмена или за деньги продуктов питания непосредственно у крестьян, приехавших в город на рынок. Рабочий продавал на рынке свои собственные вещи, свое имущество в ситуации дефицита средств и отсутствия накоплений. Приводятся факты продажи верхней одежды, буквально «с себя», для сбора средств на дорогу или при необходимости переехать на новое место работы. На рынке осуществлялась продажа продуктов кустарно-ремесленного производства, изготовленных дома, в свободное от работы время. Эта сделка могла рассматриваться как не связанная с предприятием, при условии, что сырье не попадало в руки рабочему с его завода легальным или нелегальным путем.

Рабочими практиковалась продажа товаров, выданных на предприятии в качестве натурального эквивалента заработной платы. В том случае, если завод выпускал продукцию, востребованную потребительским рынком (это могли быть консервы, оконное стекло, кирпич, кожаные изделия), такого рода товарообмен мог сулить выгоду. Так, в Кургане

...рабочие консервного завода последнее время заявляют недовольство на перебои в заработной плате, но более всего рабочих волнует то, что им не выплачивают полностью жалованья дензнаками, а придерживаются следующих пропорций: 80 % дензнаками и 20 % продукцией завода, как-то брак консервы и колбаса [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 9].

Самой распространенной формой участия рабочих в торговой деятельности (по материалам сводок ОГПУ 1924 г.) была реализация на рынке товаров, приобретенных ими в кооперативных магазинах, но не соответствовавших их реальным потребностям. При этом стоимость товаров в кооперативном магазине была явно завышена, как справедливо отмечали сами рабочие, с целью скорейшего покрытия задолженности по заработной плате. В связи с тем, что рабочие в массовом порядке выходили на рынок одновременно и с однотипными товарами, которые им выдавались по завышенным ценам, шанса реализовать товар с прибылью не было. Напротив, товар реализовывался со значительной скидкой, но особого выбора рабочих не имел.

В информационной сводке Нижнетагильского отдела ОГПУ от 23 мая 1924 г. говорится:

Нижне-Тагильский завод. <...> Общее материальное положение рабочих тяжелое, зарплата не выдана за март, апрель и май месяцы. За эти месяцы выданы только продукты из ЦРК и заводских складов, предусмотренные кол[лективным] договором, которым рабочие недовольны, так как согласно колдоговора им выдают только ржаную муку, крупу, соль и мясо и больше ничего, то есть ЦРК отпускает продуктов рабочему не более 15 % его заработка в месяц, а остальная сумма остается за заводоуправлением, тогда как по старому колдоговору рабочий мог в ЦРК получить что хочет (!) под весь заработок. Кроме того, Правление Средне-Уральского треста со своих складов выдает рабочим в счет зарплаты сеянку по 4 руб. за 1 пуд, тогда как такую же муку можно купить на рынке по 2 руб. 90 коп. за пуд. Здесь рабочие определенно обвиняют администрацию завода и треста и говорят, что «в счет зарплаты нам можно и дороже продать, ибо нам в силу необходимости приходится брать, а им лишь бы скорее ликвидировать задолженность». (Меры профсоюза как в том, так и в другом вопросе приняты) [Там же. Д. 74. Л. 58].

Аналогичная ситуация складывалась и на Нижнетагильских предприятиях:

Получаемые товары в заводе рабочие несут на базар и продают в два раза дешевле торгашу только лишь потому, что ему нужны деньги. Недовольство рабочих на получаемые малые оклады объясняется тем, что например, помощник машиниста получает только 18 руб., а семейному жить на это жалование очень трудно и они определенно указывают на

администрацию, что они получают высокие ставки и всегда получают деньгами и своевременно, а нам рабочим и авансом даже несколько копеек и то не дают [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 62].

Деньги были нужны не только для приобретения продуктов и товаров повседневного спроса. Еще более существенным стимулом являлось требование со стороны фискальных органов заплатить сельскохозяйственный налог тем рабочим, кто имел собственное хозяйство (пашню, покос, крупный и мелкий рогатый скот). Неуплата налога влекла за собой начисление пени и штрафы. Деньги требовали и хозяева домов, в которых рабочие, не имевшие собственного жилья, арендовали помещения.

Поиск наличных денежных знаков проходил по различным направлениям. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об участии рабочих и служащих, главным образом домовладельцев, в обществах взаимного кредита (ОВК). Участие в ОВК не приветствовалось, более того, декларировалась несовместимость членства в профсоюзах и в частных кредитных товариществах. После утверждения ЦИК и СНК СССР 8 февраля 1928 г. проекта «Положения об ОВК» участие рабочих и служащих в этих организациях стало невозможным [Килин, Носова, с. 72–101].

Широко практиковалась продажа на рынке талонов, чеков и ордеров, которые выдавались на предприятиях для получения в государственных и кооперативных магазинах указанных в них товаров («отоваривание»). Талоны продавались и в случае отсутствия необходимых товаров в кооперативных магазинах или при продаже кооперативами дефицитных товаров исключительно за наличные. Талоны скупали частные посредники, обменивали их на товары в кооперативных лавках, а затем реализовывали на других территориях, в том числе в деревне – везде, где они пользовались повышенным спросом.

Таким образом, дефекты централизованного снабжения существенно сокращали доходы рабочих, пополняли частный сектор товарами и позволяли частным торговцам получать прибыль. В сводках ОГПУ при описании подобных ситуаций очевидно стремление перевести проблему из экономической плоскости в политическую, показать, что несовершенство распределительной системы склоняет рабочих на сторону частной торговли. По словам рабочих,

...если бы выдавали 60–70 % наличными, тогда бы хватило на расходы по хозяйству, и можно было бы вложить в сберегательную кассу, талоны же в данной области не удобны и частными торговцами принимаются за полцены. <...> Отношение к частному рынку, в связи с неудовлетворительной работой кооперации, рабочие высказываются за частную торговлю, боясь, чтобы не получилось большого перерыва в снабжении рабочих товарами и продуктами первой необходимости, что может тяжело отразиться на производстве [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 259].

Как еще более тревожная оценивалась ситуация, при которой талоны обменивались у крестьян на самогон. Помимо алкоголизации населения, это приводило к снижению жизненного уровня членов семей рабочих. Напротив, крестьяне получали доступ к товарам широкого потребления с дисконтом в 20–30 % от первоначальной цены, если учесть, что себестоимость производства самогона была достаточно низкой [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 106].

Нам она [самогонка] обходиться дешевле, чем покупать пиво или русскую горькую. На пуд хлеба мы выгоним самогона полведра и будет стоить 40 или 50 коп., а русская горькая стоит 1 руб. 85 коп. бутылка, так что на одну бутылку ее нужно продать пять пудов хлеба, а здесь, говорит, дешево и сердито [Там же. Д. 79. Л. 234 об.].

Отношение рабочих к частной торговле представляется весьма противоречивым, порой можно встретить диаметрально противоположные суждения, однако во многих присутствует значительная доля прагматизма. Осуждая «нэпачей», частную торговлю как таковую, рабочие сами в случае необходимости выступали в роли частных торговых посредников. Оценка частной торговли прежде всего вытекала из сравнения с торговлей кооперативной, основываясь на анализе недостатков обобщественного сектора хозяйства, а положительная оценка частника служила своего рода рычагом давления на вышестоящие органы с целью наладить работу или повысить эффективность подведомственных торговых организаций.

Недостатки системы снабжения были очевидны и активно использовались, по мнению сотрудников ОГПУ, в антисоветской агитации и пропаганде. В сводке Пермского окружного отдела ОГПУ говорилось:

Вольный рынок. Комитет рыночных торговцев на денежную реформу смотрит недоброжелательно, как и на госторговлю, говорят, что частному торговцу только дают торговать до 5 часов, а государственному до 12 часов ночи. Ввиду понижения цен на товары большинство еще много шлет нареканий на это и на выпуск ГУМом разносчиков, которые смотрят на это с большим призрением, распуская слух, что «раньше при царизме не было никаких налогов на торговцев, а сейчас заставляют снять последние штаны. Раньше рабочий от частного торговца был обеспечен разными товарами и давал рабочим кредит, а сейчас не дают рабочим денег, лишь потому, чтобы рабочий брал в их кооперации разную гниль, которая для него совершенно не нужна, но приходится брать, потом что, если он не возьмет, то тогда и денег не выдадут» [Там же. Д. 75. Л. 87–88].

...Из задержанного письма адресатом: Китай, Тяньцзин, Английская концессия № 46 из Лысьвы, видно следующую выдержку: «Завод работает полностью... деньгами не дают, а ордерами, нынче дали всем рабочим и служащим по 50 коп. серебром на поглядок, налогов очень много,

за все с рабочего дерут, а милиция со всякими пустяками привязывается» (Дано задание Райуполномоченному о выяснении личности и проч.) [ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 66].

Отметим, что все вышеперечисленные формы торговых практик явно не способствовали повышению жизненного уровня рабочих, но все же были легальными. К теневому сектору экономики, точнее, к его криминальному сегменту [Радаев] можно отнести кражи сырья и комплекующих с предприятий и реализацию их на черном рынке.

Информационная сводка по Курганскому округу содержит следующие данные:

Промышленность. Турбинный завод. Механический цех. Зав. заводом говорит, что на базаре продаются болты от маслообработников, принадлежащие Турбозаводу, говорит так же, что знает, кто их продает, но мер к выявлению злоупотреблений не предпринимает. Литейный цех. Положение такое же, был случай, что при обрубке литья, по словам обрубщика Малявина, из литья ушло 3 шестерни в брак, но они оказались на барахолке. По заявлению некоторых продал их сам же Малявин... <...> Изделия завода на частном рынке продолжают продаваться, но мер к этому, то есть к прекращению злоупотреблений, администрацией не принимается [Там же. Д. 72. Л. 132–133].

На кожевенном заводе в Кургане при остром дефиците сырья

...наблюдается хищение готового товара, но продававший попался и в настоящее время, можно думать, что это будет уроком и другим рабочим [Там же. Л. 168].

В соответствии с налоговым законодательством рабочие, выступавшие в роли торговых посредников временно или эпизодически, для которых торговля не являлась самостоятельным источником дохода, не рассматривались в качестве субъектов налогообложения. Им не вменялось в обязанность приобретать патенты на занятие торговлей. Это существенное отличие рабочих от крестьян, которых работники фиска зачастую заставляли выбирать патенты даже при реализации продукции собственного производства на рынке, что противоречило законодательству. В связи с этим данные патентного учета не позволяют детально фиксировать участие рабочих в торговой деятельности. Исключение составляют граждане, которые в период безработицы профессионально занимались торговлей, приобретали патент, а потом возвращались к производственной деятельности. Анализ личных дел «лишенцев» позволяет проследить их судьбы.

Период военного коммунизма, НЭП и последовавший за ней период становления мобилизационной экономики демонстрируют активное вовлечение рабочих в торгово-посредническую деятель-

ность. В начале 1930-х гг., когда нажим на частного предпринимателя и ликвидация легальных форм частной торговой деятельности были в самом разгаре, среди тех, кого финансовые работники отлавливали на рынках и штрафовали за нарушения правил торговли, рабочие по численности оказались на втором месте после «прочих нетрудовых элементов».

**Число граждан, занятых нелегальной торговлей
в Свердловске и Перми (по социальным категориям)**
[ГАСО. Ф. 593-Р. Оп. 1. Д. 80. Л. 12]

Период	IV квартал 1931 г.						I квартал 1932 г.					
	1	2	3	4	5	Всего	1	2	3	4	5	Всего
Свердловск	350	85	20	40	500	995	365	95	33	58	384	935
Пермь	63	42	5	6	127	243	114	27	4	9	201	355

* Категории граждан: 1 – рабочие и служащие; 2 – крестьяне-единоличники; 3 – кулаки; 4 – бывшие торговцы; 5 – прочие «нетрудовые элементы».

Ущербное, дискриминируемое властями и существовавшее на полуполюгальном положении частное предпринимательство не могло заместить прежнюю дореволюционную торговую сеть. Государственный распределительный механизм находился в стадии становления, испытывал острый дефицит не только в продуктах и финансах, но и в кадрах. Кооперативное движение, на которое возлагались большие надежды, сочетало в себе недостатки как частника, так и госструктур. В его адрес постоянно звучали обвинения как в отсутствии предприимчивости, так и в рвачестве, в увлечении чисто коммерческой деятельностью, в игнорировании идей кооперативного движения. Складывается впечатление, что потребительские кооперативы должны были решать задачи снабжения населения ходовыми востребованными товарами по ценам ниже рынка, но при этом быть безубыточными, приносить определенный доход, услуги предоставлять качественные и с минимальной торговой наценкой. Учитывая товарный дефицит, ограниченность денежного обращения, отсутствие подготовленных (как в профессиональном, так и в идеологическом плане) кадров и территориальную удаленность торговых центров, приходится признать, что задачи, поставленные перед кооперативами, были нереалистичны.

В предлагаемых обстоятельствах снабжение граждан товарами повседневного спроса становилось личным делом самого населения, а не профессиональных торговых посредников. Процесс адаптации к неблагоприятным и изменяющимся условиям, основанный на принципах самообеспечения и самоснабжения, был ориентирован не столько на

повышение жизненного уровня, сколько на выживание рабочих и членов их семей. Эта деятельность составляла основу повседневной жизни человека в годы НЭПа. Острота проблемы была частично купирована допущением в советскую экономику элементов рыночного хозяйства, но говорить о НЭПе как «золотом веке» предпринимательства нельзя, а рост благосостояния населения в эти годы необходимо соотносить с низким исходным уровнем времен Гражданской войны.

Вовлечение населения в торгово-посредническую деятельность на различных этапах становления и развития раннесоветского общества проявлялось в разной степени и зависело прежде всего от степени насыщения товарами повседневного спроса, эффективности товаропроводящей сети и использования механизмов материальной заинтересованности. Чем острее был товарный дефицит, чем уже был спектр альтернатив и возможностей для получения необходимых продуктов, тем большую роль играла распределительная система, основанная на нормировании, на корпоративных иерархических структурах снабжения. В этой ситуации работники были заинтересованы не столько в увеличении оплаты труда, сколько в создании закрытой для посторонних лиц системы распределения материальных благ. Напротив, насыщение рынка и многоукладность хозяйства, конкуренция в торговой сфере актуализировали вопрос выплаты заработной платы в денежной, а не в натуральной форме, активизировали денежное обращение, выводили работника за пределы корпоративной распределительной системы, давали ему возможность выбора.

В качестве адаптивной модели поведения рабочего в условиях НЭПа нам видится человек, официально работающий на промышленном предприятии (имеющий в связи с этим привилегированный социальный статус), но не утративший связь с родственниками в деревне, имеющий собственный дом и подсобное хозяйство, владеющий ремесленными навыками и азами торгово-посреднической деятельности, вовлеченный как в легальные, так и в нелегальные формы самообеспечения.

Список литературы

- ГАСО. Ф. 593-Р.
Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России : 1917–1921 гг. СПб. : Алетей, 2007. 396 с.
- Килин А. П.* Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 118–147.
- Килин А. П., Носова П. В.* «Капитал в складчину»: социальный состав членов Обществ взаимного кредита на Урале времен нэпа // «Бублики для Республики»: исторический профиль нэпманов / под ред. Р. А. Хазиева. Уфа : РИО БашГУ, 2005. С. 72–101.
- Кондратьева Т. С.* Кормить и править : О власти в России XVI–XX вв. / пер. с фр. З. А. Чеканцевой. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2009. 207 с.
- Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : РОССПЭН, 2008. 303 с.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2009. 351 с.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.

Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // *Pro et contra*. 1999. Т. 4. № 1. С. 5–12.

Серж В. От революции к тоталитаризму : Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М. : НПЦ «Праксис» ; Оренбург : Оренбургская книга, 2001. 696 с.

ЦДООСО. Ф. 4.

References

Davydov, A. Yu. (2007). *Meshochniki i diktatura v Rossii. 1917–1921 gg.* [“Meshochniki” and Dictatorship in Russia. 1917–1921]. St Petersburg, Aleteiya. 396 p.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 593-R.

Kilin, A. P. (2003). Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v 1920-e gody [Private Trade and Credit in the Urals in the 1920s]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*: sbornik nauchnykh trudov. No. 3. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 118–147.

Kilin, A. P., Nosova, P. V. (2005). “Kapital v skladчину”: sotsial'nyi sostav chlenov Obshchestv vzaimnogo kredita na Urale vremeni nepa [“Joint Capital”: The Social Structure of the Members of the Mutual Credit Societies in the Urals in the Period of the NEP]. In Khaziev, R. A. (Ed.). “*Bubliki dlya Respubliki*”: istoricheskii profil' nepmanov. Ufa, Redaktsionno-izdatel'skii otдел Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 72–101.

Kondrat'eva, T. S. (2009). *Kormit' i pravit'*: O vlasti v Rossii XVI–XX vv. [Feed and Rule: On Power in Russia, 16th – 21st Centuries] / transl. by Z. A. Chekantseva. Moscow, ROSSPEN. 207 p.

Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment by Housing: The Housing Policy in the USSR as a Means of Controlling People (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEN. 303 p.

Narskii, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Disaster: Everyday Life of the Ural Population between 1917 and 1922]. Moscow, ROSSPEN. 632 p.

Osokina, E. A. (2009). *Za fasadom “stalinskogo izobiliya”*: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the Façade of “Stalinist Abundance”: Distribution and Market in the Supply of the Population in the Years of Industrialisation. 1927–1941]. 2nd Ed. Moscow, ROSSPEN. 351 p.

Postnikov, S. P., Fel'dman, M. A. (2009). *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [Socio-cultural Image of Industrial Workers in Russia between 1900 and 1941]. Moscow, ROSSPEN. 367 p.

Radaev, V. (1999). Tenevaya ekonomika v Rossii: izmenenie konturov [Shadow Economy in Russia: Changing Contours]. In *Pro et contra*. Vol. 4. No. 1, pp. 5–12.

Serzh V. (2001). *Ot revolyutsii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyutsionera* [From the Revolution to Totalitarianism: Memoirs of a Revolutionary] / transl. by Yu. V. Guseva, V. A. Babintsev. Moscow, Nauchno-prosvetitel'skii tsentr “Praksis”, Orenburg, “Orenburgskaya kniga”. 696 p.

TsDOOSO [Center for Documentation of Social Organizations of Sverdlovsk Region]. Stock. 4.

The article was submitted on 27.05.2017